

— Раз уж ты занимался боевыми искусствами, то в чём преуспел больше всего? — слышался голос Пэй Чжао.

Голос юноши прозвучал звонко и радостно:

— В мече!

Сяо Цзюлин мысленно лишился дара речи. Насколько он помнил, главным оружием этого наследного принца всегда были собственные кулаки. Убеждение словом... ах нет, убеждение грубой силой.

— И где же твой меч? — снова спросил Пэй Чжао.

Нин Ли, казалось, растерялся. На его лице отразилось искреннее огорчение:

— Не знаю... Я позабыл, куда его засунул. Не могу найти.

Такое оправдание слишком походило на шитую белыми нитками ложь: попавшись на одном вранье, приходится громоздить другое.

Любой мало-мальски уважающий себя воин ценит оружие пуще собственной жизни. Особенно мечники — эти упрямы, чья воля на пути боевых искусств тверда как сталь. Назови это благородной непреклонностью или банальным ослиным упрямством, суть не изменится: истинный мечник никогда, ни при каких обстоятельствах не расстанется со своим клинком.

А что заявляет этот Наследный принц Нин?

Потерял, позабыл, не может найти.

Наследный принц Нин врал как дышал, глазом не моргнув. Но куда больше Сяо Цзюлина поразило то, что Его Величество даже не подумал уличить юношу во лжи. Напротив, он охотно подыграл ему.

— Хочешь, я прикажу обыскать всё и найти его? — мягко предложил Пэй Чжао.

— Не нужно, — Нин Ли с самым серьезным видом качнул головой. — Когда он захочет вернуться, то объявится сам.

Сяо Цзюлин мог лишь молча сокрушаться в глубине души.

Простояв у дверей от начала до конца этого разговора, командир стражи решительно не

понимал, как себя вести.

В этот момент из-за ширмы донеслось:

— Цзюлин.

Сяо Цзюлин тут же шагнул вперед. Он по привычке порывался склониться в глубоком поклоне, но вовремя вспомнил наказ Чжан Хэлиня: ни в коем случае не выдавать личность Его Величества. В итоге он лишь неловко, как-то боком поклонился, не зная, куда деть одеревеневшие от смущения руки и ноги.

На него уставился любопытный взгляд. Сяо Цзюлин встретился глазами с юношей: его взор был чистым и прозрачным, точно глубокие речные заводи в ясный день.

Молодой господин в серебристо-алом халате и накидке из белого лисьего меха был ещё совсем юн. В его чертах сквозила детская непосредственность, но весь его облик лучился необычайной живостью и благородством. И пусть Сяо Цзюлин заранее записал Нин Ли в изнеженные пустышки, умеющие лишь наряжаться, при виде него он невольно признал: эта «пустышка» чертовски хороша собой.

— Наследный принц Нин, — поприветствовал он его.

Нин Ли вежливо поклонился в ответ. В его глазах отразилось недоумение, и он вопросительно взглянул на Пэй Чжао.

Тот терпеливо пояснил:

— Ниннин, это главный командир Стражи Прислуживания Небесам. Я пригласил его специально, чтобы он прощупал твои кости и оценил врождённые способности.

Нин Ли медленно повернул голову к Сяо Цзюлину, глядя на него с явным недоверием.

Сяо Цзюлин и подумать не мог, что его догадка окажется верной. Его Величество действительно вознамерился проверить дарования этого изнеженного Наследного принца Нина. Вспоминая ласковый тон, с которым Пэй Чжао говорил о возвращении юноши на путь боевых искусств, командир понимал: дело принимает крайне скверный оборот.

Сяо Цзюлин и сам не горел желанием заниматься подобными глупостями — не потребуй этого император, он бы и на порог не ступил. Однако, судя по всему, Наследный принц Нин вызывать рвение желал ещё меньше.

— Зачем проверять мои кости?

Нин Ли отложил недочищенный сладкий мандарин и всем своим видом выказал явное нежелание подчиняться.

Заметив его сопротивление, Пэй Чжао вздохнул и мягко промолвил:

— Ниннин, позволь ему взглянуть. Я просил его прийти, не отправлять же человека обратно ни с чем?

Нин Ли прикусил губу. На его бледном, точно точёный нефрит, лице отразилось мучительное сомнение.

Все его чувства были как на ладони — если ему что-то не нравилось, скрывать это он не умел совершенно.

Но именно это упрямство и заставляло Пэй Чжао настаивать на своём. Он не знал, как именно Нин Ли обучали боевым искусствам прежде, но если в его основах крылся изъян, Сяо Цзюлин сразу его заметит. Пэй Чжао не мог допустить, чтобы пагубные ошибки укоренились.

Ради этого он и позвал сегодня командира стражи.

Вот только его благие намерения...

Сяо Цзюлин прекрасно их понимал.

А вот изнеженный наследник — ни капли.

Ради любого другого Его Величество не стал бы так усердствовать, и тот человек рассыпался бы в благодарностях. А этот мальчишка лишь упрямился, не желая ценить чужую заботу.

Над столом клубился легкий пар от чая, растворяясь в прохладном воздухе. В тишине сада повисло долгое молчание.

Пэй Чжао спокойно и твёрдо смотрел на Нин Ли сквозь полупрозрачную дымку. В его взгляде крылась мягкая, но непреклонная сила, способная убедить любого.

Нин Ли встретился с ним глазами, чувствуя смутное замешательство.

«Синчжи уверен, что делает это ради моего блага...»

«Но зачем присылать кого-то щупать мои кости?»

Этого Сяо Цзюлина он прежде никогда не видел, но отлично чувствовал, каков уровень мастерства у стоящего перед ним воина.

Всего лишь ступень Проникновения в Мелочи.

— Ниннин, командир Сяо — надёжный человек. Поверь мне.

Нин Ли взгляделся в лицо Пэй Чжао. Увидев в его глазах, глубоких и чистых как горные озера, непоколебимую уверенность, он наконец неохотно кивнул:

— Ну хорошо.

Наследный принц Нин наконец соизволил закатать рукава и насухо вытереть руки — после стольких препирательств это выглядело едва ли не как высочайшая милость.

Сяо Цзюлин мысленно поворчал, но благоразумно промолчал.

Он протянул руку и коснулся двумя пальцами тонкого запястья Нин Ли. Кожа юноши была белой, точно свежесвыпавший снег — сразу видно, рос в холе и неге, не зная никаких забот. Но стоило командиру прижать пальцы к его пульсу, как он замер, мгновенно погрузившись в глубокое молчание.

Нин Ли, который ещё минуту назад отчаянно упрямился, теперь совершенно расслабился. Он сидел развалившись в кресле, позабыв о недавнем недоверии.

В саду воцарилась тишина. Все взгляды скрестились на Сяо Цзюлине.

Однако Пэй Чжао смотрел не столько на командира, сколько на тонкое белое запястье, выглядывающее из-под шелкового рукава. Безупречно светлая, нежная кожа, похожая на парное молоко. Этот мальчик действительно не знал в жизни ни единой невзгоды.

Спустя долгое время Пэй Чжао тихо спросил:

— Ну как?

Сяо Цзюлин мучительно подбирал слова. У него голова шла кругом, он лихорадочно обдумывал, как помягче преподнести правду, и наконец выдал:

— Способности Наследного принца Нина весьма примечательны, его тело от природы гармонично. Однако, если говорить о боевых искусствах... здесь нельзя усердствовать через силу. Лучше всего предоставить всему идти своим чередом.

Услышав это, Нин Ли, доселе безучастно дремавший, просиял, точно солнце, проглянувшее сквозь тучи. Он победно улыбнулся и радостно воскликнул:

— Вот видишь! Я же говорил!

На его щеках заиграли очаровательные ямочки, а глаза заискрились непритворным восторгом.

Пэй Чжао ласково улыбнулся и согласно кивнул, однако под столом его пальцы сжались в кулак.

Словами Сяо Цзюлина можно было обвести вокруг пальца простодушного Нин Ли, который из-за своего простодушия не заметил скрытого смысла. Но разве мог Пэй Чжао не понять, что крылось за этой вежливой фразой?

Это был вежливый приговор: «Безнадёжен для обучения»!

Все разговоры о «выдающихся врождённых способностях» служили лишь ширмой, чтобы не обидеть юношу. Обладая Нин Ли хоть крупницей истинного таланта, Сяо Цзюлин не стал бы заикаться и юлить. Он бы от удивления и радости позабыл обо всём на свете и пришёл в полнейший восторг.

Пэй Чжао правил страной уже не первый год и прекрасно видел людей насквозь. Хоть командир стражи и явился по его первому зову, в глубине души он делал это с крайней неохотой, считая пустой тратой времени.

— Ниннин, а кто нанял твоего наставника? — внезапно спросил Пэй Чжао.

Нин Ли, увлечённо счищавший белые волокна с дольки мандарина, поднял голову:

— Он сам вызвался!

Пэй Чжао промолчал, а затем спросил снова:

— И кем же он был раньше?

— Рыбачил на реке! — без запинки ответил Нин Ли. Он на мгновение задумался, силясь воскресить в памяти детали, а потом смущённо и немного робко добавил: — В тот день как раз шёл снег. Он прочитал мне строчку из стихотворения... что-то вроде «в одинокой лодке старик в бамбуковой шляпе и соломенном плаще...»

— «...один удит рыбу в холодном речном снегу»? — подсказал Пэй Чжао.

Нин Ли весело прищурился:

— Да, именно так!

Глядя на его искреннюю радость, Пэй Чжао не нашёл что сказать. Он провёл с юношей ещё немного времени, а когда Нин Ли ушёл, сдерживать гнев более не имело смысла.

— Проверьте его! — ледяным тоном приказал император.

В душе Пэй Чжао клокотала ярость. И злился он не столько на безвестного бродячего наставника, сколько на князя Нина.

Император полагал, что грозный правитель Шачжоу отдаёт все силы воспитанию единственного сына, а на деле тот нанял мальчику какого-то проходимца! Шарлатан напустил на себя вид великого отшельника и без зазрения совести обманул наивного ребёнка. Ладно Нин Ли — он был мал и доверчив, но ведь сам князь Нин далеко не глуп! Неужели он не разглядел обмана?

И ведь позволил этому жулику забивать голову наследнику вздором!

Евнух Чжан Хэлинь, до этого тихо стоявший в стороне, сразу почуял неладное. Хоть Его Величество и молчал, воздух вокруг него буквально искрился от сдерживаемого гнева.

Копить в себе такую обиду вредно для здоровья, правителю необходимо было выпустить пар.

Поэтому Чжан Хэлинь примирительно улыбнулся и вкрадчиво произнес:

— Ваше Величество, любовь князя Нина к сыну безгранична, вы и сами это знаете... Быть может, его тоже ввели в заблуждение?

— Если бы он не умел распознавать столь дешёвые трюки, как бы он удерживал власть в Шачжоу?! — сквозь зубы бросил Пэй Чжао.

Подобные фокусы могли сработать разве что на доверчивом ребёнке вроде Нин Ли.

Заметив, что евнух замялся, Пэй Чжао повернулся к нему:

— Ты что же, считаешь, что он поступил правильно?

— Раб божий не смеет так думать, — поспешно склонил голову Чжан Хэлинь. — Однако, видя кроткий и невинный нрав молодого господина Нина, этот слуга дерзнул прийти к одной

безумной мысли. Молю Ваше Величество о снисхождении за мои глупые речи.

— Говори.

— Этот ничтожный подумал... Если бы молодой господин Нин с таким мягким характером рос у вас на глазах, неужели у Его Величества поднялась бы рука насильно заставлять его изнурять себя тренировками?

Пэй Чжао онемел.

Гнев, бушевавший в его груди, вмиг утих, словно срезанный под корень.

Ниннин, Нин Ли.

Единственный сын, которого князь Нин берёт пуще зеницы ока. Он рос в неге и обожании, окружённый всеобщей заботой.

Границы Шачжоу суровы и безжалостны, но ветра пустыни не оставили на юноше ни малейшего следа. Белоснежное лицо, тонкие пальцы — он казался хрупким изваянием из драгоценного нефрита, чистым и сияющим. Его весёлый нрав и звонкий смех рождали в душе покой, подобно перезвону яшмовых подвесок.

Такое нежное создание стоит лишь выставить на ветер — и оно растает, оставить под палящим солнцем — и оно растворится без следа.

Пэй Чжао погрузился в молчание.

Путь боевых искусств тернист и полон лишений — ни в сказке сказать, ни пером описать.

Сколько на нём поражений, боли и горьких слёз, Пэй Чжао знал по собственному опыту. И пусть сам он никогда не жалел об избранной доле, всё же...

Будь Нин Ли его собственным воспитанником, он бы тоже не нашёл в себе сил обречь хрупкого юношу на подобные истязания.

— А ты, как погляжу, всё тонко подметил, — негромко отозвался Пэй Чжао после долгой паузы.

В его голосе не было упрёка — лишь тихий, исполненный смирения вздох.

— Сердце родителя всегда полно тревог, — подхватил Чжан Хэлинь. — Этот слуга лишь

подумал: молодой господин так весел и беззаботен. Быть может, князь Нин попросту не желал расстраивать сына и выдумал эту ложь ради его душевного спокойствия?

Но даже если продолжать эту сладкую ложь, разве обман когда-нибудь станет правдой?

Сколько ни заказывай хвалебных речей у льстецов, истинное положение дел не скроешь. Нынешний уровень Нин Ли — всего лишь Созерцание. Это вторая ступень из пяти существующих. С такими способностями в столичном Цзянье его не приняли бы даже рядовым бойцом в Стражу Прислуживания Небесам.

Притворство никогда не заменит подлинную силу.

А значит, воин из него никакой.

— Земли Шачжоу окружены врагами, — сурово произнёс Пэй Чжао. — На севере — Тэле, на юге — Западный Фань. Это ключевой узел Шёлкового пути, лакомый кусок для любого завоевателя. Если он вернётся в Шачжоу со своими жалкими крохами мастерства, как он удержит власть? Как заставит подчиняться закалённых в боях суровых воинов?

— Насколько помнит этот слуга, сам князь Нин достиг лишь ступени Постижения Сокровенного, — заметил Чжан Хэлинь. — Его тоже вряд ли можно назвать величайшим мастером боевых искусств.

— Князь Нин с малых лет рос в военных лагерях, в совершенстве постиг ратное дело и тактику, — ровным голосом ответил Пэй Чжао. — В четырнадцать лет он повёл войска на Ю, затем сокрушил Гаочан, Яньци и Кучу. Он подчинил себе весь Западный край и за всю жизнь не потерпел ни одного поражения.

После этих слов даже Чжан Хэлинь, сочувствующий юноше, лишился аргументов.

Против истины не попрёшь: слава о подвигах и блистательных победах князя Нина гремела по всей Поднебесной, докатываясь даже до столичного Цзянье.

Но изнеженный наследник князя никак не походил на сурового полководца. Удивительно, как у столь грозного воителя вырос столь мягкосердечный и ранимый ребёнок.

На столе сиротливо лежал недочищенный мандарин, но сам хозяин уже ушёл. Юноша лишь испачкал пальцы в горьковатом соке цедры, так и не добравшись до сладкой мякоти.

— С таким характером... — медленно заговорил Пэй Чжао, — если рядом не окажется надёжного защитника, то после наследования титула он станет лёгкой добычей. Слабый правитель при сильных вассалах обречён. Его растерзают стаи голодных волков.

— Говорят, князь Нин до сих пор крепок здоровьем, так что в ближайшее время молодому господину ничего не грозит, — робко вставил евнух.

Пэй Чжао одарил его холодным взглядом:

— Тот, кто не думает о будущем, непременно столкнётся с бедой в настоящем. Тебе ли этого не знать?

— Ваше Величество зрит в самый корень, — тут же склонился Чжан Хэлинь. — Но если так... найдись тот, кто сможет оберегать молодого господина Нина, все тревоги развеялись бы сами собой, верно?

<http://bllate.org/book/20087/2001855>